

A man with a beard and a woman with long hair are shown in a close embrace. The man is wearing a dark suit jacket over an open shirt, and the woman is wearing a dark, sleeveless dress. They are in a dimly lit setting with warm, golden light, possibly a restaurant or a bar, with blurred city lights and a chandelier in the background.

ВОПРОКИ

тебе...

18+

МегаМегафон МегаМегафон Вопреки тебе

<https://litres.ru/74622353>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не собиралась становиться частью его жизни. Он не привык слышать слово «нет». Между ними — ненависть, страсть и опасные тайны. Но что произойдёт, когда любовь окажется сильнее гордости?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	61
Глава 7	71
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

МегаМегафон

Вопреки тебе

Глава 1

В «Астории» пахнет потом, дорогим парфюмом и кровью. Буквально кровью — у входа какой-то мужик лежит на полу, и охрана вытирает его лицо салфетками, будто это разлитое вино.

Аврора стоит у входа, сжимая сумочку так, что костяшки побелели. На ней чёрное платье, которое она купила на выпускной пять лет назад. Оно слишком короткое, слишком открытое, и она чувствует себя голой. Голой и беззащитной среди этих людей с тяжёлыми взглядами и руками, которые знают, как ломать кости.

«Ты поняла меня, Аврора?» — голос отца до сих пор звучит в ушах. — «Наденешь короткую юбку, наклеишься и пойдёшь в клуб "Астория". Сделаешь так, чтобы он тебя заметил. Втерешься в доверие. А когда поверит — возьмёшь ключи».

Она должна соблазнить Данияра «Тихого». Криминального авторитета, о котором в городе говорят шёпотом. Человека, который держит в страхе половину области. Должна лечь с ним в постель, украсть документы и спасти своего

идиота-брата, который украл чужое.

Но сейчас, стоя в этом прокуренном коридоре, глядя на вышибалу с лицом, которое видело слишком много смертей, она понимает: она не сможет.

Не сможет притворяться. Не сможет лгать. Не сможет раздвинуть ноги ради папиного приказа.

— Ты чья? — голос охранника вырывает её из мыслей.

— Я... — она сглатывает. — Я хочу увидеть Данияра.

— По записи?

— Нет. Я просто...

Она замолкает. Что сказать? Что она шлюха, которую прислали соблазнять? Что она учительница музыки, которая забрела сюда по ошибке?

— Пусти её, — раздаётся голос сверху.

Аврора поднимает голову. На втором этаже, у перил, стоит мужчина. Охранник у входа в вип-ложу кивает, и путь открыт.

Ноги не слушаются. Каждая ступенька лестницы отдаётся в висках гулким ударом сердца. Она поднимается, и перед ней открывается ложа. Тонированное стекло, кожаные диваны, полумрак. И он.

Данияр сидит в углу, откинувшись на спинку. На нём чёрная рубашка, расстёгнутая на две пуговицы, на запястье — часы, которые стоят как её квартира. Лицо тяжёлое, скулы острые, на виске шрам, который уходит куда-то в волосы. Глаза тёмные, почти чёрные, и в них нет ничего, кроме хо-

лодного любопытства.

Он не встаёт. Не предлагает сесть. Просто смотрит на неё сверху вниз, хотя она стоит, а он сидит.

— Кто такая? — голос низкий, вязкий, без эмоций.

Аврора открывает рот, чтобы сказать заученную фразу. «Меня зовут Аврора, я хочу с вами познакомиться, мне сказали, что вы влиятельный человек...»

Но слова застревают в горле.

Она смотрит в его глаза — эти чёрные, бездонные глаза — и понимает: она не сможет врать. Он увидит. Он сразу поймёт. И тогда брату — конец.

И вместо заученной лжи она говорит правду. Почти.

— Я Аврора.

— Я спросил не имя.

— А я не знаю, что ещё сказать. — Голос дрожит, но она продолжает. — Я хотела с вами познакомиться. Давно хотела.

Данияр приподнимает бровь. Единственное движение, которое меняет его лицо с каменного на... заинтересованное.

— Давно?

— Да. — Она сглатывает. — Я... я видела вас один раз. Года два назад. Вы выходили из ресторана, а я проходила мимо. И вы посмотрели на меня. Всего секунду. А я потом месяц не могла забыть этот взгляд.

Это почти правда. Он действительно смотрел на неё тогда. И она действительно не могла забыть. Только причина, по

которой она сейчас здесь, совсем не в этом.

Данияр молчит. Секунду. Другую. Третью. Время тянется, как смола. Аврора чувствует, как пот стекает по спине, как платье липнет к телу, как сердце готово выскочить из груди.

— И ты пришла сюда, в этот притон, в таком виде, чтобы просто познакомиться? — он медленно окидывает её взглядом. С головы до ног. Не раздевает — оценивает. Как хищник, который решает, стоит ли игра свеч.

— Я... я думала, это будет хорошая идея, — выдавливает она.

— И кто же надоумил тебя на эту «хорошую идею»?

Аврора чувствует, как земля уходит из-под ног. Он знает. Он всё знает. Ещё секунда — и он назовёт имя отца, и тогда...

— Никто, — говорит она. А потом добавляет то, чего говорить не планировала: — Это была самая тупая идея в моей жизни.

Данияр замирает. А потом — медленно, очень медленно — уголок его рта поднимается вверх.

— Тупая?

— Да. — Она выдыхает. Слова льются сами, без контроля, потому что страх отключает фильтры. — Я стою тут, в этом дурацком платье, которое купила ещё на выпускной, трясусь как осиновый лист, понятия не имею, что сказать, и вообще я передумала. Я пойду.

Она разворачивается. Делает шаг к лестнице. Два шага.

— Стоять.

Голос тихий. Спокойный. Но в нём столько силы, что ноги прирастают к полу. Аврора замирает, не в силах повернуться.

— Ты пришла, — слышит она его шаги за спиной. Мягкие, уверенные, шаги хищника. — Сказала, что два года меня помнила. Обозвала свою идею тупой. И теперь хочешь уйти?

Он подходит вплотную. Аврора чувствует его запах — табак, кожа и что-то опасное, звериное. Он обходит её, встаёт напротив, загораживая выход. Руки скрещены на груди. Во взгляде — не злость. Интерес. Чистый, хищный интерес.

— Ты странная баба, — говорит он. — Обычно ко мне приходят по делу. С просьбами, с угрозами, с предложениями. Но чтобы какая-то девка в дешёвом платье припёрлась среди ночи, сказала, что я ей понравился, а потом передумала и решила свалить... — он качает головой. — Это впервые.

— Я не «девка», — выдёргивает её. Страх отступает, уступая место злости. На него, на себя, на отца, на этот дурацкий вечер. — У меня есть имя.

— Аврора, помню. — Он усмехается. — Как принцесса из диснеевского мультлика.

— А вы Данияр. Как... как...

— Как кто?

— Не знаю. Как варвар. Как завоеватель. Как человек, который сжигает города и не замечает этого.

Повисает тишина. Аврора понимает, что ляпнула лишнего. Сейчас он разозлится. Сейчас он...

Данияр смотрит на неё долгим, тяжёлым взглядом. А потом делает то, от чего у неё подкашиваются ноги.

Он смеётся.

Тихо, хрипло, но это смех. Настоящий. И от этого звука у Авроры внутри всё переворачивается.

— Сжигаю города, значит, — повторяет он, всё ещё улыбаясь. — А ты, принцесса, видно, из тех, кто тушит?

— Я из тех, кто не суёт нос туда, куда не просят, — отвечает она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствует. — И я действительно пойду. Извините за беспокойство.

Она делает шаг в сторону, пытаясь обойти его. Данияр легко, без напряжения, перекрывает ей путь. Не трогает, просто оказывается там, куда она движется.

— Я не отпускал тебя.

— А я не спрашивала разрешения.

— Здесь так не работает. Сядь.

— А как здесь работает?

Он наклоняется. Близко. Так близко, что она видит шрам на его виске, слышит его дыхание, чувствует, как её собственное сердце сходит с ума.

— Здесь работает так, — говорит он тихо, почти шёпотом. — Если ты пришла, значит, ты моя. Пока я не решу, что ты можешь уйти.

Она упала на диван, буд-то ноги не держат.

— Это похищение, — выдыхает она.

— Это правила игры, в которую ты сама решила поиграть.

— Он выпрямляется, смотрит на неё сверху вниз. — Ты сказала, что два года меня помнила. Врёшь?

— Нет, — честно отвечает она. — Не вру.

Данияр смотрит на неё долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах что-то меняется. Холод уступает место чему-то тёмному, голодному. Но он не двигается. Не трогает.

— Я даю тебе шанс, — говорит он, и голос его становится тише, опаснее. — Прямо сейчас. Взять и уйти. Пока я не передумал.

Аврора смотрит на него. Сердце колотится где-то в горле. Разум кричит: «Беги, это твой единственный шанс!»

И она слушается.

Медленно, не отрывая взгляда от его глаз, она поднимается с дивана. Ноги дрожат, но она держится. Поправляет платье, сжимает сумочку.

— Спасибо, — тихо говорит она. — За шанс.

Данияр молчит. Смотрит, как она идёт к выходу. Его руки сжаты в кулаки, но он не останавливает.

Аврора доходит до лестницы. Оборачивается на секунду. Их взгляды встречаются.

— До свидания, Данияр, — говорит она.

Он не отвечает. Только смотрит. Тяжело, темно, так, что она чувствует этот взгляд спиной, когда спускается по лест-

нице, проходит через зал, вылетает на улицу.

Только там, на холодном ветру, она позволяет себе выдохнуть.

Она не помнит, как доехала до дома. Как зашла в квартиру. Как отец встретил её в прихожей с надеждой в глазах.

— Ну что? — спросил он, жадно вглядываясь в её лицо. — Получилось? Он клюнул?

Аврора смотрит на отца. На его жадные глаза, на нервно подрагивающие пальцы. На человека, который отправил её, свою дочь, наниматься в шлюхи к криминальному авторитету.

— Нет, — говорит она. Голос твёрдый, спокойный. Такой, каким она не говорила с ним никогда.

— Как нет? — он не понимает. — Ты что, не дошла? Не смогла?

— Я не смогла, — честно отвечает Аврора. — Не смогла сделать то, о чём ты просил.

Лицо отца меняется. Надежда сменяется злостью.

— Ты понимаешь, что из-за твоей брезгливости твой брат...

— Я не брезгливая, — перебивает она. — Я просто не могу продавать себя. Даже ради Лёшки. Даже ради тебя.

— Аврора! — рявкает отец.

— Нет, — она делает шаг назад, к двери. — Ты меня не слышишь. Я сказала — нет. Ищи другие способы спасти своего сына. А меня больше в это не втягивай.

— Ты куда? — кричит он ей вслед.

— Домой, — бросает она, открывая дверь. — К себе домой. Где меня никто не будет продавать.

Она выходит, хлопает дверью и прислоняется к ней спиной. Сердце колотится, руки трясутся, но внутри — странное, незнакомое чувство.

Свобода.

Она сказала «нет». Впервые в жизни сказала отцу «нет». И мир не рухнул.

Она идёт по ночной улице, обхватив себя руками, и думает о чёрных глазах, о тихом голосе, который сказал: «Я даю тебе шанс».

Станный человек. Опасный. Страшный. Но он отпустил. Он мог взять силой, мог не слушать, мог сделать с ней всё, что хотел. А он просто сказал: «Уйди».

Аврора не знает, почему он это сделал. Не знает, что будет завтра. Не знает, что скажет отец, когда до неё дозвонится.

Но сейчас она идёт по холодной улице, в дешёвом платье, одна, без денег, без надежды на спасение брата — и чувствует себя сильнее, чем когда-либо.

Потому что она сделала свой выбор.

Сама.

<https://litnet.com/shrt/Dlqb>

Сто тысяч за ночь....

Он — криминальный авторитет, вернувшийся с опасного дела, весь на нервах. Она — девятнадцатилетняя студентка

театрального, которая никогда не была с мужчиной. Случайный звонок, одноразовая симка, голос, от которого невозможно оторваться. Он платит за ночные разговоры, она продаёт иллюзию страсти. Он не знает, что она — подруга его дочери. Она не знает, что он — отец её подруги. Игра, в которой ставки выше денег. И ночь, которая всё меняет.

***

Глава 2

Он смотрел, как она спускается по лестнице. Каждая ступенька — как удар метронома. Раз. Два. Три. Четыре.

Данияр стоял у перил, сложив руки на груди, и наблюдал. Чёрное платье, светлые волосы, тонкие лопатки, которые видны сквозь дешёвую ткань. Она шла быстро, почти бежала, спотыкалась на последней ступеньке, но удержалась. Вылетела за дверь, и створки клуба сомкнулись за ней, как пасть зверя.

— Шеф, — подошёл Борода, его водитель и тень уже много лет. — Может, догнать?

Данияр не ответил. Он повернулся и медленно прошёл в ложу. Сел на тот же диван, где минуту назад сидела она. Край ещё хранил тепло её тела.

— Принеси папку, — сказал он. — Ту, что я просил.

Борода кивнул и исчез. Вернулся через минуту с чёрной кожаной папкой. Толстой. Данияр взял её, расстегнул молнию, выложил содержимое на стеклянный столик.

Фотографии. Распечатки. Досье.

Первое фото — школьное. Девчонка лет шестнадцати, в форме, с бантами. Серьёзное лицо, светлые волосы заплетены в косу. Смотрит в камеру так, будто знает что-то, чего не знают другие.

Аврора Станиславовна Корсакова. Двадцать три года.

Преподаватель фортепиано в музыкальной школе. Не замужем. Без вредных привычек. Ходит в церковь по воскресеньям. Играет Шопена по вечерам.

Данияр перелистнул. Вот она выпускной — в том самом чёрном платье, которое надела сегодня. Смеётся, обнимает подругу. Простая. Чистая. Не из их мира.

Дальше — её отец. Станислав Корсаков. Бывший «шестьёрка» при местном авторитете, потом решил, что дорос до самостоятельности. Не дорос. Теперь мелкий должник, который пытается выслужиться перед теми, кто его прессует. Именно он придумал план: подослать дочь к Данияру, чтобы выкрасть компрометирующие документы. Старый петух думал, что его Аврора — идеальный козырь. Красивая. Невинная. Такая, на которую клюют.

Идиот.

Брат — Алексей Корсаков, двадцать лет. Мелкий воришка, который реально думал, что может украсть сумку с обналом у людей Данияра и остаться безнаказанным. Сейчас сидит в подвале на Автозаводской. Живой, но не в лучшем состоянии.

Данияр взял фотографию, которую сделали три часа назад. Лёшка сидит на бетонном полу, привязанный к трубе. Один глаз заплыл, губа разбита, но в целом — цел. Пока.

Он пересмотрел все фото. Девчонка в школе, девчонка на концерте, девчонка, идущая по улице с нотами под мышкой. Такая хрупкая. Такая нежная. Такая... живая.

Борода стоял рядом, ждал.

— Зачем ты её пустил, шеф? — спросил он осторожно.

— Ты же знал, кто она и зачем идёт. Мог просто...

— Просто что? — Данияр откинулся на спинку дивана, закурил. — Приказал спустить её с лестницы? Сломать что-нибудь для остратки?

— Ну да.

— Скучно, Борода. — Он выпустил дым в потолок. — Скучно жить, когда всё знаешь наперёд. Она приходит, начинает лепетать, пытается врать, краснеет, бледнеет... Это интереснее, чем просто сломать и выбросить.

— Но она же ушла.

— Ушла, — повторил Данияр. И сам удивился тому, как прозвучало это слово. Слишком тихо. Слишком... с сожалением?

Он стряхнул пепел, усмехнулся своим мыслям. Какая, к чёрту, сентиментальность? Она — пешка. Инструмент. Красивый, забавный, но всего лишь фигура на чужой доске.

Он любил играть. Всегда любил. Судьбы людей для него были как шахматы — можно поставить мат в три хода, можно растянуть удовольствие, можно отпустить фигуру, чтобы потом посмотреть, куда она покатится. Он делал так много раз. Наблюдал, как люди принимают решения, как ломаются, как предаются, как спасают. Это было его развлечением. Единственным, которое ещё доставляло удовольствие.

Но сегодня...

Сегодня он отпустил её. Просто так. Без причины.

— Шеф, — Борода нарушил тишину. — Может, стоило её задержать? Она же...

— Я сказал — пусть идёт, — оборвал Данияр. — Ушла — значит, ушла. Пусть живёт. Дальше.

Он собрал фотографии обратно в папку. Школьное фото легло сверху. Аврора смотрела на него серьёзными глазами, и почему-то взгляд этот задержался в голове дольше, чем нужно.

— Что с братом? — спросил он, прячая папку.

— Сидит. Ждёт.

— Хорошо. — Данияр затушил сигарету. — Посмотрим, что её папаша будет делать дальше. Если он такой умный, как ему кажется, он пришлёт кого-то другого. Или... — он усмехнулся, — попробует снова отправить её.

— А если нет?

— Если нет — значит, он ещё глупее, чем я думал. И тогда Лёшка пойдёт на корм рыбам. А папаша сам придёт просить, чтобы я забрал его дочь. Потому что долг — он не прощает.

Данияр встал, поправил манжеты.

— Едем домой. С этой девчонкой покончено.

Он сказал это уверенно. Твёрдо. Как человек, который никогда не сомневается в своих словах.

И сам не заметил, как в машине, уже подъезжая к особняку, достал телефон и открыл фотографию, которую сделал, когда она сидела напротив. Испуганная, дерзкая, с горящи-

ми глазами. Нажал «сохранить».

«Покончено», — повторил он про себя и убрал телефон.

Три дня спустя

Они прошли, как в тумане. Данияр занимался делами: встречи, стрелки, разборки. Обычная рутина. Люди платили, люди просили, люди боялись. Всё как всегда.

Но в голове застряло чёрное платье. Светлые волосы. Голос, который сказал: «Я из тех, кто не суёт нос туда, куда не просят».

Он прокручивал их разговор снова и снова. Её испуг, её дерзость, её глупое «я передумала». И то, как она смотрела на него, когда он дал ей шанс уйти. Благодарность? Облегчение? Или... разочарование?

Нет. Неважно.

На третий день он вызвал Бороду.

— Есть новости от Корсакова? — спросил он, даже не поднимая головы от бумаг.

— Тишина, шеф. Как в могиле.

Данияр отложил ручку. Поднял глаза.

— Тишина?

— Ни звона, ни стука. Сидит в своей квартире, никуда не выходит. Дочь — тоже. В школу ходит, домой возвращается. Больше ничего.

— Значит, решил, что пронесло, — протянул Данияр. — Думает, я забыл про его долг. Про его планы. Про его... дочь. Он встал, подошёл к сейфу, достал папку. Перелистал.

Лёшка на фото с разбитым лицом. Школьное фото Авроры. Досье отца.

— Скучно, — сказал он. И в этом «скучно» было что-то опасное. — Я дал им шанс. Три дня. Они не воспользовались.

— Что прикажешь, шеф?

Данияр сел за стол, взял лист чистой бумаги. Написал несколько строк размашистым, уверенным почерком. Сложил лист, достал из папки фотографию Лёшки — ту, где сияние видны лучше всего. Вложил в конверт.

— Отвези это Корсакову. Лично в руки. — Он протянул конверт Бороде. — И скажи: если он хочет, чтобы его сын спал сегодня спокойно, пусть отправит дочь ко мне сегодня вечером. Туда же. В «Асторию». В восемь.

— А если не пришлёт?

Данияр усмекнулся. Усмешка вышла кривая, безрадостная.

— Тогда Лёшка перестанет дышать. А потом я придумаю что-нибудь поинтереснее для самого Корсакова.

Борода взял конверт, кивнул и вышел.

Данияр остался один. Он смотрел на часы. Стрелка ползла к семи.

Он ждал. Не волнение — он не умел волноваться. Скорее любопытство. Придёт ли она снова? Испугается? Будет плакать? Или снова проявит характер?

Он вспомнил, как она сказала: «Спасибо за шанс». Без

иронии. Без подвоха. Просто — спасибо.

Ему вдруг стало интересно, что она скажет сегодня.

В 19:45 Данияр был в «Астории». В той же ложе, на том же диване. Перед ним стоял стакан виски, рядом — папка. За стеклом гудела музыка, мелькали лица. Он не смотрел на них. Он смотрел на вход.

19:55.

20:00.

20:15.

20:30.

Она не пришла.

Борода зашёл в ложу, виновато кашлянул.

— Шеф... мы съездили к Корсакову. Он письмо получил. Сказал, что понял. Что передаст дочери.

— Передал?

— Не знаю. Девчонка... она не выходила из дома. Мы проверили. Сидит у себя в квартире. Окна закрыты, свет горит.

Данияр медленно допил виски. Поставил стакан на столик. Лицо его было спокойным, но пальцы, сжимающие подлокотник, побелели.

— Значит, она решила не приходить, — сказал он. Голос ровный, без эмоций. — Выбрала.

— Может, она не знает? Может, отец не...

— Она знает, — перебил Данияр. — Такие, как она, всё знают. Просто делают вид, что можно отвернуться и не видеть.

Он встал. Подошёл к стеклу, посмотрел вниз. Там, в зале, танцевали, пили, смеялись. Никто из них не знал, что сейчас решалась чья-то жизнь.

— Она сделала выбор, — повторил Данияр. — И теперь пусть живёт с последствиями.

Он взял со стола папку, открыл. Достал фотографию Лёшки. Посмотрел на неё. Потом достал школьное фото Авроры. Серьёзные глаза, банты, коса.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго.

— Шеф? — осторожно позвал Борода. — Что с пацаном? Данияр сунул оба фото обратно в папку. Застегнул молнию. Бросил папку на стол.

— Оставь пока. — Голос звучал глухо. — Пусть посидит ещё. Может, её папаша поумнеет за ночь.

— А если нет?

Данияр промолчал. Он вышел из ложи, спустился по лестнице, сел в машину. Всю дорогу до дома молчал.

Дома он прошёл в кабинет, достал папку, положил перед собой. Открыл на школьном фото.

— Дура, — сказал он тихо. — Какая же ты дура.

Он не понимал, почему чувствует разочарование. Ему было плевать на Корсаковых. На отца, на брата, на их долги и разборки. Он видел сотни таких историй. Тысячи.

Но эта девчонка... Она была другой. В ней была искра. Та самая, которую не сломать ни страхом, ни угрозами. Он хотел посмотреть, что будет дальше. Как она поведёт себя,

когда узнает, что её брат в синяках. Прибежит ли спасать? Будет ли торговаться? Или снова скажет что-нибудь дерзкое, от чего у него внутри всё переворачивается?

А она просто не пришла.

Данияр закрыл папку. Убрал в сейф. Налил виски, выпил залпом.

«Пусть живёт», — подумал он. — «Пусть продолжает жить. Играть своего Шопена. Ходить в церковь. Думать, что мир справедлив».

Он усмехнулся своим мыслям. Какая, к чёрту, справедливость? Мир — это джунгли. И она, такая хрупкая, такая светлая, рано или поздно столкнётся с тем, что её нежная душа не выдержит.

Но это будет не его вина.

Он дал ей шанс. Дважды.

Третий раз она не получит.

Данияр лёг спать. Но долго ворочался, глядя в потолок. Перед глазами стояли её глаза — серые, огромные, полные страха и дерзости одновременно.

Он не знал, почему она не пришла. Не знал, что она сказала отцу. Не знал, что сейчас происходит в её маленькой квартирке с видом на серые панельные дома.

Одно он знал точно:

Он ещё пожалеет, что отпустил её тогда.

Или она пожалеет, что не пришла сегодня.

Время покажет.

***

Глава 3

Отец ждал её в прихожей. Аврора увидела это сразу, как только открыла дверь своим ключом. Он стоял, прислонившись к стене, с конвертом в руке. Лицо бледное, глаза бегают.

— Ты знаешь, что он прислал? — голос отца дрожал. Не от страха — от злости.

— Не знаю и не хочу знать, — Аврора скинула туфли, прошла на кухню. Сердце колотилось где-то в горле, но она старалась не показывать. — Я устала. Я спать.

— Сядь, — отец схватил её за руку. Сильно, до боли. — Сядь и посмотри.

Он разорвал конверт, вытряхнул содержимое на кухонный стол. Фотография выскользнула первой. Аврора посмотрела и замерла.

Лёшка. Весь в синяках, ссадинах, с заплывшим глазом. Сидит на бетонном полу, руки за спиной. Живой. Но...

— Что это? — её голос сел.

— А ты не догадываешься? — отец бросил на стол записку. — Читай.

Аврора взяла листок. Руки тряслись. На белой бумаге размашистым, уверенным почерком было выведено:

«Если хочешь, чтобы твой сын спал сегодня спокойно — отправь дочь сегодня вечером в «Асторию». В 8. Если нет —

следующий палец пришлём завтра. Выбирай».

Она смотрела на эти слова, и в голове звенела пустота. Вечером. Сегодня. Он ждёт её там, где она была три дня назад.

— Ты пойдёшь, — сказал отец. Не спросил — сказал. — Ты должна пойти.

Аврора медленно подняла глаза. Посмотрела на отца. На его руки, которые дрожали. На глаза, в которых не было ничего, кроме панического страха за сына.

— Нет, — сказала она тихо.

— Что значит «нет»? — отец шагнул к ней. — Ты видела, что он сделал с Лёшкой? Ты видела? Он следующее фото пришлёт уже без пальца!

— Я видела, — голос Авроры стал твёрже, хотя внутри всё сжималось в ледяной ком. — Я видела, папа. И я видела, что ты даже не спросил меня. Не спросил, как я. Не спросил, страшно ли мне. Ты просто сказал: «Ты пойдёшь».

— А что мне спрашивать?! — он ударил ладонью по столу. Фотография подскочила. — Твой брат там! В подвале! Его убить могут!

— А меня? — Аврора встала. Голос дрогнул, но она сдержалась. — Меня убить не могут? Ты представляешь, что он сделает со мной, папа? Ты видел, что он делает с теми, кто просто украл у него деньги. А если я украду документы? Если он поймёт, что я пришла не просто так?

Она подошла к отцу вплотную. Смотрела ему в глаза.

— Ты до сих пор думаешь только о нём. О своём сыне. А

я для тебя что? Расходный материал? Инструмент, который можно подложить под этого... этого зверя?

— Аврора...

— Я боюсь его! — выкрикнула она. Впервые за всё время. Слёзы брызнули из глаз, но она даже не вытерла. Пусть видит. Пусть поймёт наконец. — Я боюсь его, папа! Я смотрела в его глаза — там ничего человеческого нет. Он смотрит на людей как на мясо. Он играет с ними. И ты хочешь, чтобы я пошла к нему? Чтобы он сделал со мной то же, что с Лёшкой?

— Он не тронет тебя, — отец попытался взять её за плечи, но она отшатнулась. — Ты нужна ему живой и...

— Целой? — перебила она. — И это всё, что тебя волнует? Чтобы я пришла целой, чтобы выполнила задание?

— Ты не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь! — Аврора вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Голос стал тише, но жёстче. — Я не пойду. Ищи другой способ спасти своего сына. Найми кого-то. Или иди сам. Но меня ты больше не втянешь.

Она развернулась и ушла в свою комнату. Закрyla дверь. Села на кровать, обхватив себя руками.

Всю ночь она не спала. Слышала, как отец ходит по коридору, как пьёт на кухне, как стонет, как звонит кому-то умоляющим голосом. Слышала, как он плачет.

Она не вышла.

Утро

Её разбудил звонок в дверь. Резкий, требовательный. Аврора открыла глаза — за окном уже было светло. Восемь утра. Она не поняла, как уснула.

— Кто там? — голос отца из коридора был хриплым, испуганным.

— Доставка, — ответил голос за дверью. Равнодушный, чужой.

Аврора накинула халат, вышла в коридор. Отец уже открыл дверь. На пороге стоял незнакомый мужчина в куртке. В руках — небольшая коробка, перевязанная бечёвкой.

— Вам, — сказал он, протягивая коробку. Развернулся и ушёл.

Отец взял коробку. Руки тряслись так, что она чуть не упала. Он поставил её на кухонный стол. Аврора подошла ближе.

— Не открывай, — сказала она. Голос прозвучал глухо.

— Я должен, — отец разорвал бечёвку. Снял крышку.

Внутри лежал палец. Человеческий. Указательный. С обломанным ногтем. Рядом — записка, свёрнутая в трубочку.

Отец отшатнулся, схватился за край стола. Его вырвало прямо на пол.

Аврора не смотрела на палец. Она смотрела на записку. Протянула руку, взяла.

«Следующий — какой прислать?»

Она перечитала раз. Другой. Третий.

— Это не Лёшкин, — сказала она тихо.

— Что? — отец поднял на неё мутные глаза.

— Палец. Это не Лёшкин. У Лёшки ногти ровные, он их грызёт с детства. А этот — с обломанным. Это чужой. Он просто... прислал то, что было под рукой.

Отец посмотрел на палец. Потом на неё. В его глазах было что-то — страх, надежда, отчаяние.

— Но в следующий раз может быть Лёшкин, — прошептал он.

Аврора закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

— Я пойду, — сказала она.

Встреча

Она не нарядилась. Не надела красивое платье. Натянула джинсы, свитер, волосы собрала в хвост. Посмотрела на себя в зеркало — бледная, глаза красные от бессонницы, губы сжаты в тонкую линию.

«Пусть видит меня такой, — подумала она. — Пусть знает, что я не хочу ему нравиться».

Она приехала в особняк. Охранник у ворот, видимо, ждал её — пропустил без вопросов. Провёл через двор, в дом. Внутри было тихо, дорого, холодно. Мрамор, кожа, стекло. Ничего лишнего.

— Ждите здесь, — сказал охранник и исчез за дверью.

Аврора осталась одна в коридоре. Рассматривать было нечего. Она просто стояла, сжимая руки в кулаки, и ждала.

Дверь открылась. Вышел Борода.

— Проходи, — кивнул он.

Она вошла в кабинет. Большая комната, стены в тёмном дереве, тяжёлые шторы, сейф в углу. Пахнет табаком и кожей. И он.

Данияр сидел за столом. На нём простая белая рубашка, рукава закатаны до локтей. На столе — папка, которую она видела в прошлый раз. И стакан с виски.

Он смотрел на неё. Спокойно, тяжело, не моргая. Взгляд скользнул по её лицу, по свитеру, по хвосту, по сжатым кулакам. Ничего не сказал.

Аврора выдержала его взгляд. Сердце колотилось где-то в горле, но она не отвела глаза.

— Вот она я, — сказала она. Голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Что вы хотите? Делайте что хотите. Но его отпустите.

Она сделала шаг вперёд. Ещё один.

— За меня вам всё равно ни-че-го не будет, — она выделила каждую букву, чтобы он услышал. — Только его отпустите.

Данияр молчал. Секунду. Другую. Третью. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Или наоборот — узнавал заново.

Потом медленно откинулся на спинку кресла. Сложил руки на груди.

— А здороваться тебя не учили? — спросил он. Голос низкий, спокойный, без тени злости.

Аврора усмехнулась. Криво, нервно.

— Зачем здороваться с человеком, который собирается меня растоптать?

Данияр вздохнул. Глубоко, тяжело, как будто она сказала что-то, что заставило его устать.

— Сядь, — кивнул он на стул напротив.

— Не хочу сидеть.

— Сядь, — повторил он. Тихо, но так, что ноги сами согнулись.

Аврора села. Выпрямила спину, положила руки на колени. Смотрела на него.

Данияр открыл папку. Достал оттуда школьное фото — то, где она с бантами и косой. Посмотрел на него, потом на неё.

— Знаешь, что это?

— Моё фото, — ответила она. — Вы следили за мной.

— Я знаю о тебе всё, — сказал он. — С шестнадцати лет. Твоя успеваемость, твои привычки, твои прогулки по воскресеньям. Даже то, какой Шопен тебе нравится больше всего.

— И зачем вам это?

— Было интересно, — он убрал фото обратно. — А теперь слушай.

Он закрыл папку, положил на неё руки.

— Завтра утром за тобой приедут. Отвезут куда надо, оденут, приведут в порядок. В два часа я приеду. Будешь сопровождать меня на приёме.

Аврора нахмурилась.

— Каком приёме?

— Не важно. Банкет, встреча, назови как хочешь. Двадцать четыре часа ты будешь со мной. Двадцать четыре часа, и я отпущу твоего брата.

Она смотрела на него, пытаясь понять, где подвох.

— Как тебе такое условие? — спросил Данияр.

— А что за приём? Что мне там делать?

— Ничего, — он пожал плечами. — Будешь рядом. Отдыхать. Как все.

— А дальше?

Данияр посмотрел на неё долгим взглядом.

— А дальше видно будет.

— Я не шлюха, — сказала Аврора, и голос её задрожал, но она сдержалась. — Если вы планируете меня отдать или подослать кому-то... я не смогу. Даже если захочу. Я не смогу. Я просто... — она замолчала, сглотнула. — Я не смогу. От страха.

Она посмотрела ему в глаза. Честно. Открыто. Без игры.

Данияр смотрел на неё. Молча. Долго. В его глазах не было ни злости, ни насмешки. Только что-то тяжёлое, глубокое, что она не могла прочесть.

Он молчал так долго, что Аврора начала считать удары своего сердца. Раз. Два. Три.

Потом он нажал кнопку на столе.

Дверь открылась. Вошёл Борода.

— Отвези её домой, — сказал Данияр.

Аврора замерла.

— Что?

— Я сказал — отвези её домой, — повторил он, не глядя на неё. Открыл папку, углубился в бумаги.

— А как же... — она не понимала. — А брат? А двадцать четыре часа?

Данияр поднял на неё глаза.

— Завтра в восемь утра за тобой приедут. Домой я тебя отпускаю, чтобы ты выспалась. Выглядишь ты, конечно, как пугало. — Он усмехнулся краем губ. — На приём в таком виде нельзя.

Аврора смотрела на него, не веря своим ушам.

— То есть... вы просто... отпускаете меня?

— До завтра, — поправил он. — До завтра отпускаю. А завтра в восемь — жди.

Она медленно встала. Ноги не слушались.

— А брат? — спросила она. — Вы отпустите его завтра?

Данияр посмотрел на неё. Взгляд стал тяжелее.

— Если исполнишь условия, — сказал он. — Двадцать четыре часа. Без фокусов. Без попыток что-то украсть или кому-то что-то передать. Просто будешь рядом.

— И всё? — она не верила.

— И всё, — кивнул он. — А теперь иди. Выспись. Завтра будет долгий день.

Аврора развернулась. Сделала шаг к двери. Остановилась.

— Данияр, — сказала она, не оборачиваясь.

— М?

— Зачем вы это делаете?

Тишина. Она чувствовала его взгляд на своей спине.

— Считай, что я просто хочу посмотреть, — сказал он тихо. — Посмотреть, что будет дальше.

Аврора вышла из кабинета. Прошла по коридору, вышла на улицу. Свежий воздух ударил в лицо, и она наконец выдохнула.

Борода открыл перед ней дверь машины.

— Садись, — сказал он. — Отвезу.

Она села на заднее сиденье. Машина тронулась. Аврора смотрела в окно, но ничего не видела. Перед глазами стояло его лицо. Тяжёлый взгляд. Усмешка краем губ.

«Зачем ты это делаешь?» — спросила она.

«Хочу посмотреть, что будет дальше».

Она не знала, что будет дальше. Не знала, чего ждать от этих двадцати четырёх часов. Не знала, сможет ли пройти через это.

Знала только одно: она сделала выбор. Сама. И теперь будет идти до конца.

***

Глава 4

Утро

В восемь утра за ней приехали. Аврора уже ждала у подъезда — в тех же джинсах и свитере, с хвостом на затылке. Она не спала почти всю ночь, но выглядела лучше, чем вчера. Умылась холодной водой, выпила крепкий чай, заставила себя съесть кусок хлеба.

Отец проводил её до двери. Смотрел виновато, но ничего не сказал. Только когда она уже выходила, бросил вслед:

— Аврора... будь осторожна.

Она не обернулась.

Машина была чёрная, большая, с тонированными стёклами. За рулём — Борода. Он кивнул ей, открыл дверь. Аврора села на заднее сиденье.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Увидишь, — ответил Борода.

Салон

Они приехали в салон на окраине города. Место, которое снаружи выглядело как обычный дом, но внутри оказалось чем-то средним между бутиком и гримёркой. Женщина лет сорока, худая, с острым взглядом, уже ждала её.

— Аврора? — спросила она. — Меня зовут Лида. Я буду тебя готовить.

— Готовить к чему?

Лида усмехнулась.

— К выходу в свет, дорогая. К выходу в свет.

Аврору мыли, сушили, красили, делали причёску. Она смотрела в зеркало и чувствовала себя куклой, которую наряжают для чужой игры. Когда Лида принесла первое платье — короткое, с глубоким вырезом, Аврора покачала головой.

— Нет.

— Что значит «нет»? — Лида подняла бровь.

— Я не буду это надевать. Покажите другие.

Лида посмотрела на неё с удивлением. Видимо, не привыкла, чтобы клиенты спорили. Но принесла ещё несколько вариантов.

Аврора перебирала вешалки. Шёлк, кружево, кожа. Всё кричащее, всё вызывающее, всё — как униформа для девочек по вызову.

Потом её пальцы зацепились за нечто другое.

Платье было бежевым. Длинным, до пола. С закрытой грудью, с открытыми плечами — аккуратно, почти целомудренно. Ткань струилась, мягко облегла фигуру, не скрывая, но и не выставляя напоказ. Спереди — высокий разрез, но такой, что нога открывалась только при движении. Скромно. Элегантно. Опасно в своей сдержанности.

— Это, — сказала Аврора.

Лида скептически посмотрела.

— Это слишком просто. Данияр не одобрит.

— Мне плевать, что одобрит Данияр, — ответила Аврора.

— Я не шлюха. И одеваться как шлюха не буду.

Лида хотела что-то сказать, но передумала. Пожала плечами.

— Твоё дело.

Когда Аврора вышла из примерочной, Лида присвистнула. Платье сидело идеально. Бежевый цвет делал её кожу золотистой, открытые плечи подчёркивали тонкую шею, высокий разрез при каждом шаге открывал ровно столько, чтобы заставить смотреть.

Волосы собрали в высокую причёску — строгую, элегантную. Несколько прядей Лида оставила специально: они падали на лицо, обрамляли скулы, делали взгляд глубже, загадочнее.

Аврора посмотрела на себя в зеркало. На неё смотрела не учительница музыки. И не девочка по вызову.

На неё смотрела женщина, которую нельзя купить.

— Красиво, — нехотя признала Лида. — Очень красиво.

Аврора кивнула. Взяла сумочку и вышла.

Приём

Место оказалось старым особняком в центре города. У входа — люди в чёрном, с металлом под пиджаками. Аврору пропустили без очереди, проводили внутрь.

Внутри было много света, много стекла, много людей в дорогих костюмах и вечерних платьях. Аврора шла по коридору, сжимая в руке крошечную сумочку. Внутри — только помада и носовой платок.

Она вошла в главный зал и сразу увидела его.

Данияр стоял у окна, в окружении трёх мужчин. На нём был тёмно-серый костюм, идеально сидящий по фигуре, белая рубашка, никакого галстука. Волосы пострижены коротко, шрам на виске виден отчётливо. Он что-то говорил негромко, собеседники слушали с напряжёнными лицами.

Аврора остановилась у входа. Ждала.

Он поднял глаза. Посмотрел на неё.

Взгляд скользнул по лицу, по открытым плечам, по платью, которое облегалo её тело без единого выреза. Задержался на разрезе, на ноге, которая виднелась при каждом шаге. Потом поднялся выше — к высокой причёске, к прядям, падающим на лицо.

На лице Данияра ничего не изменилось. Но взгляд задержался дольше, чем следовало.

Он кивнул. Один раз. Коротко.

Аврора подошла. Остановилась рядом.

— Данияр, — один из мужчин, лысый, с тяжёлой челюстью, посмотрел на неё с интересом. — А это кто с тобой?

— Моя спутница, — ответил Данияр. Голос ровный, спокойный. — Аврора.

— Аврора, — повторил лысый. — Красивое имя. И сама красивая. Откуда такая?

Аврора посмотрела на Данияра. Он чуть заметно кивнул — можно отвечать.

— Из музыкальной школы, — сказала она. — Преподаю

фортепиано.

— Ого, — второй мужчина, помоложе, с хищным прищуром, усмехнулся. — Данияр, ты стал культурным? Раньше ты таких не водил.

— Данияр вообще не любитель культуры, — ответила Аврора, не дожидаясь его реакции. — Он скорее любитель коллекционировать чужие слабости.

Повисла тишина.

Мужчины переглянулись. Никто не ожидал такой дерзости. Данияр замер. Его глаза сузились, он медленно перевёл взгляд на неё.

Аврора смотрела прямо на него. Не отводила глаз. Внутри всё дрожало, но она держала лицо.

Данияр молчал три долгих удара сердца. Потом уголок его рта дёрнулся вверх. Не улыбка — нечто более опасное. Удовольствие хищника, который понял, что добыча не так проста, как казалось.

— Острая, — сказал Семён, усмехаясь. — Данияр, смотри, порежешься.

Данияр не ответил. Он положил руку ей на локоть — жест собственнический, холодный. Не поддержка — напоминание.

— Пойдём, — сказал он. И повёл её к столу.

За ужином

Они сидели за отдельным столом. Данияр во главе, Аврора справа от него. Перед ней поставили бокал с шампанским,

но она не пила. Смотрела, слушала.

Разговоры были тяжёлые. Про грузы, про таможеню, про тех, кто «не понял, с кем связался». Аврора сидела тихо, не вмешивалась. Но когда обращались к ней — отвечала.

— Аврора, а ты сама откуда? — спросил третий мужчина, старый, с сединой на висках. Взгляд цепкий, оценивающий.

— Из этого города. Родилась, выросла, ни разу не уезжала дальше ста километров.

— И как ты с Данияром познакомилась?

Аврора почувствовала, как пальцы на её запястье чуть сжались. Предупреждение. Но она всё равно ответила:

— Пришла познакомиться. Оказалось, что знакомиться с Данияром — плохая идея.

Мужчины засмеялись. Данияр не засмеялся. Он смотрел на неё сбоку, и в его взгляде было что-то новое. Не гнев. Не раздражение. Интерес. Чистый, хищный интерес.

— А что ты делаешь, когда не играешь на пианино? — спросил молодой с хищным прищуром.

— Думаю, — ответила Аврора. — Много думаю. Особенно о том, как не попадать в неприятности. Но, видимо, плохо думаю, раз я здесь.

Семён хлопнул ладонью по столу.

— Данияр! Где ты её нашёл? Это же клад!

Данияр молчал. Отпустил её, взял бокал, отпил. Но взгляд не отводил. Аврора чувствовала его на себе — тяжёлый, темный, изучающий. Как будто он видел её впервые и пытался

понять, что это за зверь.

Она не отводила глаз. Пусть смотрит. Пусть видит, что она не боится. Или боится, но не сдаётся.

Один раз, когда она ответила на очередной вопрос с такой иронией, что даже старик усмехнулся, Данияр задержал на ней взгляд. Дольше, чем нужно. Аврора почувствовала это — как его глаза скользят по её лицу, по прядям, падающим на щёки, по открытым плечам, по платью, которое облегает её тело без единого выреза. В его взгляде не было похоти. Было что-то другое. Оценка. Или... предвкушение.

Он смотрел на неё так, как смотрят на противника, который оказался сильнее, чем ожидали. И это пугало её больше, чем если бы он просто сжал челюсти и приказал молчать.

Рояль

Когда подали десерт, Семён вдруг посмотрел на рояль в углу.

— Аврора, а сыграешь? — спросил он. — Давно я на живую музыку не сидел.

Аврора посмотрела на Данияра. Он чуть заметно кивнул. Без эмоций. Просто — разрешение.

Она встала. Прошла к роялю. Села, поправила платье, положила пальцы на клавиши.

Рояль был хороший. Немецкий, старый, с глубоким, бархатистым звуком.

Она закрыла глаза. И начала играть.

Это была её мелодия. Та, которую она сочинила много лет

назад. Печальная, тягучая, как осенний дождь. В ней были вопросы без ответов, потери, которые не оплаканы, и надежда, которая живёт вопреки всему.

Она играла не для них. Для себя. Пальцы сами находили ноты, музыка лилась, заполняла зал.

Когда она закончила, в зале было тихо.

Потом Семён медленно захлопал.

— Это... это было сильно. Я такого давно не слышал.

Молодой кивнул, глядя на неё с новым выражением.

— Талант. Настоящий.

Старик промолчал, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

Аврора встала. И тут же почувствовала его.

Данияр подошёл к роялю. Не дождался, пока она вернётся. Подошёл сам.

Он остановился напротив. Посмотрел на неё сверху вниз. Аврора замерла, не зная, что будет.

— Иди сюда, — сказал он тихо.

И положил руку ей на талию. Жёстко. Властно. Притянул к себе так, что она упёрлась ладонями ему в грудь.

В зале стало тихо. Все смотрели.

Данияр держал её близко — слишком близко для чужого человека. Его пальцы впивались в ткань платья, в её тело. Он не говорил ни слова. Просто смотрел в её глаза — холодно, тяжело, без намёка на тепло.

Это был не танец. Не нежность.

Это была демонстрация. Он показывал всем, кто здесь сидел: она — его. Вещь. Игрушка. И никто не посмеет смотреть на неё дольше, чем он позволяет.

Аврора смотрела ему в глаза. Внутри всё горело от унижения и злости. Но она не отвела взгляд. Не оттолкнула. Стояла, чувствуя, как его пальцы сжимают её талию, как его дыхание обжигает лицо.

— Умница, — сказал он одними губами. Так, что никто не услышал, кроме неё.

И отпустил.

Развернулся, пошёл обратно к столу. Аврора осталась стоять у рояля, чувствуя на себе взгляды. Чужие — любопытные. Его — холодный, как лёд.

Она медленно выдохнула. Поправила платье. Вернулась на своё место.

— Держись за локоть, — сказал Данияр, не глядя на неё.

Она взялась за его локоть. Пальцы дрожали. Он чувствовал это, но ничего не сказал.

Остаток вечера

Дальше он не отпускал её. Каждый раз, когда кто-то подходил слишком близко, он сжимал её талию чуть сильнее. Каждый раз, когда она отвечала на вопрос слишком остро, он задерживал на ней взгляд на секунду дольше, чем нужно. Не предупреждение — удовольствие.

Аврора чувствовала себя мышью, с которой играет кот. Он мог её съесть в любой момент. Но ему нравилось наблю-

дать, как она мечется, как огрызается, как пытается сохранить достоинство в клетке, которую сама выбрала.

— Ты сегодня дерзкая, — сказал он ей тихо, когда они отошли в сторону.

— Я всегда дерзкая, — ответила она, не глядя на него.

— Нет. Обычно ты боишься и пытаешься это скрыть. А сегодня ты злишься.

Он попал в точку. Аврора сжала зубы.

— Может, я просто устала притворяться.

— Не притворяйся, — он наклонился к её уху. Голос тихий, вязкий. — Мне нравится, когда ты настоящая. Тогда интереснее.

Он выпрямился. Улыбнулся — той самой кривой, холодной улыбкой, от которой у неё по спине бежали мурашки.

— Пойдём. Ещё пара часов.

Полночь

Приём закончился около полуночи. Аврора сидела в машине на заднем сиденье, откинувшись на спинку. Усталость навалилась тяжёлой волной. Платье всё ещё сидело идеально, но плечи замёрзли, ноги гудели от каблучков.

Данияр сел рядом. Молча. Борода тронул машину с места.

— Куда мы едем? — спросила Аврора.

— В гостиницу, — ответил Данияр.

Аврора напряглась.

— Почему не домой?

Он повернулся к ней. В полумраке салона его лицо было

спокойным, но в глазах горело что-то тёмное.

— Потому что двадцать четыре часа ещё не закончились. А дома меня ждут дела. В гостинице я буду спокоен, что ты никуда не денешься.

— Я и так никуда не денусь, — сказала она тихо.

— Знаю. — Он усмехнулся. — Но так надёжнее.

Машина остановилась у высокого здания в центре. Данияр вышел первым, открыл ей дверь. Аврора вышла, поправила платье. Ветром выбило ещё одну прядь из причёски — теперь три пряди падали на лицо, делая её взгляд более глубоким, почти испуганным.

Данияр посмотрел на неё. На платье, которое облегалo каждую линию. На открытые плечи, которые она инстинктивно обхватила руками — замёрзла. На разрез, из-за которого при каждом шаге виднелась нога. На пряди, падающие на лицо.

Он смотрел долго. Слишком долго.

Аврора выдержала взгляд. Но внутри всё сжалось.

— Идём, — сказал он.

Он не взял её за локоть. Не прикоснулся. Просто шёл рядом, и она чувствовала его присутствие как физическую тяжесть.

Они вошли в лифт. Двери закрылись. Они остались вдвоём в маленьком пространстве, освещённом тусклым светом.

Данияр стоял напротив. Смотрел на неё. Молчал.

Аврора смотрела на табло этажей. Третий... пятый...

седьмой...

— Аврора, — сказал он.

Она подняла глаза.

— Ты сегодня была... неожиданной, — сказал он. Голос низкий, спокойный. — Я думал, ты будешь молчать и бояться. А ты огрызалась. Отвечала. Смотрела в глаза.

— Вы разрешили, — ответила она. — Вы кивнули.

— Я кивнул, чтобы ты отвечала. А ты... — он сделал шаг вперёд. Лифт качнулся. — Ты провоцировала. Ты хотела, чтобы я разозлился?

— Нет, — честно ответила она. — Я просто... не могла молчать.

Он остановился в шаге от неё. Достаточно близко, чтобы она чувствовала его запах. Достаточно далеко, чтобы не касаться.

— Знаешь, что бывает с теми, кто меня провоцирует?

— Знаю, — она сглотнула. — Вы им отрезаете пальцы и присылаете в коробках.

Данияр усмехнулся. Криво, холодно.

— Это если они мне неинтересны, — сказал он. — А если интересны... я оставляю их рядом. Чтобы смотреть, что будет дальше.

Он протянул руку. Аврора замерла. Его пальцы коснулись пряди, выбившейся из причёски. Медленно, не спеша, он заправил её за ухо. Провёл кончиками пальцев по её щеке — едва-едва, почти не касаясь.

Аврора не дышала.

— Красивая, — сказал он. Без эмоций. Констатация факта. — И умная. И дерзкая. Опасное сочетание.

Он убрал руку. Отступил на шаг.

Двери лифта открылись.

— Идём, — сказал он и вышел первым.

Аврора вышла следом. Ноги не слушались. Она шла за ним по коридору, смотрела на его широкую спину, на идеально сидящий костюм, на руки, которые минуту назад касались её лица.

Она не знала, что будет в этой гостинице. Не знала, чего он хочет. Не знала, сможет ли отказать, если он...

Он остановился у двери. Открыл ключом. Пропустил её вперёд.

Аврора вошла.

Номер был огромным. Гостиная, спальня, две ванные. Панорамные окна на ночной город. Всё в бежевых и золотых тонах. Дорого. Холодно. Чуждо.

Данияр прошёл в гостиную, бросил ключи на столик. Сел в кресло, откинулся на спинку. Посмотрел на неё.

— Раздевайся, — сказал он.

***

Глава 5

— Раздевайся, — сказал он.

Аврора замерла у входа. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, часто-часто, как птица в клетке.

— Что? — выдохнула она.

— Ты слышала, — Данияр откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди. Голос спокойный, ровный, как у человека, который заказывает ужин в ресторане. — Раздевайся. Я хочу посмотреть.

Аврора сжала пальцами край сумочки. Внутри всё обрвалось.

— Вы сказали — двадцать четыре часа рядом. Вы не говорили...

— Я сказал — двадцать четыре часа со мной, — перебил он. — И я не говорил, что именно буду делать. А ты не спрашивала.

Он смотрел на неё холодно, тяжело, без намёка на ту неловкую мягкость, которая промелькнула в лифте. Сейчас перед ней сидел хищник. Тот, кто отрезает пальцы и присылает в коробках. Тот, кто играет судьбами, потому что ему скучно.

— Я не буду, — сказала Аврора. Голос дрожал, но она старалась держаться. — Вы обещали отпустить брата. Вы сказали — просто быть рядом.

— Я сказал — двадцать четыре часа, — повторил Данияр.
— Я не уточнял, как именно. Считай, что сейчас я уточняю.
Он встал. Медленно, плавно, как зверь, который решил, что время игр закончилось. Подошёл к окну, встал у панорамного стекла. Город внизу горел огнями, но в номере было тихо, как в склепе.

— Иди сюда, — сказал он, не оборачиваясь.

Аврора не двинулась с места. Ноги приросли к полу. Она смотрела на его спину, на широкие плечи, на руки, которые он сложил за спиной. И понимала — выхода нет. Она сама пришла. Сама согласилась. Сама подписалась под его правилами.

— Данияр... — начала она.

— Я не люблю повторять, — оборвал он. Голос стал тише, но в нём появилось то самое, от чего у неё подкашивались ноги. — Иди сюда.

Аврора сделала шаг. Второй. Третий. Ноги не слушались, но она шла. Остановилась в шаге от него, за спиной.

— Повернись, — сказал он.

Она повернулась. Теперь она стояла у окна, а он — напротив, спиной к городу. Огни ночной Москвы подсвечивали его фигуру, делали тени на лице глубже, опаснее.

Он смотрел на неё. Долго. Медленно окинул взглядом — от распущенных волос, от прядей, падающих на лицо, до открытых плеч, до платья, которое облегалo её тело без единого выреза, до разреза, из-за которого виднелась нога.

— Красивая, — сказал он снова. Но теперь в его голосе не было восхищения. Была констатация факта. Как будто он оценивал вещь, которую собирался присвоить.

— Я не буду раздеваться, — сказала Аврора. Голос сел, но она выдавила из себя эти слова. — Вы можете меня заставить. Но я не буду делать это сама.

Данияр усмехнулся. Криво, холодно.

— Заставить? — повторил он. — Ты думаешь, мне нужны проблемы с мокрым телом? Я не насильник, Аврора. Я сказал — разденься сама. Если не хочешь — не надо.

Он шагнул к ней. Аврора попятилась, упёрлась спиной в холодное стекло окна.

— Но ты всё равно останешься здесь. До утра. И помнишь, что я говорил про тех, кто мне интересен?

Он остановился вплотную. Теперь между ними не было расстояния. Аврора чувствовала его запах, его тепло, его тяжесть. Его дыхание касалось её лица.

— Я оставляю их рядом, — сказал он тихо. — И смотрю, что будет дальше. А что будет дальше, зависит от тебя.

Он отступил на шаг. Прошёл к бару, взял бутылку шампанского, открыл. Налил себе, выпил. Поставил бокал на столик.

— Иди в душ, — сказал он. — Завтра рано вставать.

Аврора стояла у окна, не в силах пошевелиться. Её трясло. От холода, от страха, от унижения.

Она смотрела на него. На его спокойное лицо. На руки,

которые минуту назад могли её коснуться. На ведёрко со льдом, где стояло шампанское. Лёд давно растаял, вода была холодной.

Она сама не поняла, как это произошло.

Её рука потянулась к ведёрку. Пальцы сжали холодный металл. Она подняла его.

Данияр повернулся к ней в тот момент, когда она замахнулась.

— Ты... — начал он.

Вода из ведёрка выплеснулась ему в лицо. Холодная, ледяная, она обожгла его, потекла по рубашке, по костюму, по рукам.

Данияр замер.

Аврора стояла с пустым ведёрком в руках, тяжело дыша, вся дрожа, но смотрела ему в глаза.

— Ты... — повторил он. Голос стал низким, опасным.

Он вытер лицо рукавом. Мокрые волосы прилипли ко лбу, вода стекала по шраму на виске. Он смотрел на неё. И в его глазах не было ничего, кроме тёмной, холодной ярости.

Аврора попятилась. Уронила ведёрко. Оно покатилося по ковру, звякнуло о ножку стула.

— Я... — начала она.

Он шагнул к ней. Быстро. Резко. Схватил за запястье, прижал к стене. Второй рукой взял за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Ты что, совсем дура? — спросил он. Голос тихий, вяз-

кий, страшный. — Ты понимаешь, что я могу с тобой сделать?

— Понимаю, — выдохнула она. Слёзы текли по щекам, но она не вытирала. — Делайте.

Данияр смотрел на неё. Долго. Тяжело. В его глазах боролись ярость и что-то ещё — что-то, чего она не могла прочитать.

Потом он усмехнулся.

— Хочешь, чтобы я тебя наказал? Чтобы потом было за что меня ненавидеть?

Он отпустил её подбородок, провёл пальцами по её щеке, вытирая слезу. Жест почти нежный — и от этого ещё более страшный.

— Не дождёшься, — сказал он. — Я не дам тебе лёгкого выхода.

Он отступил на шаг. Расстегнул мокрую рубашку, стянул её, бросил на пол. Аврора зажмурилась.

— Открой глаза, — приказал он.

Она открыла. Он стоял перед ней без рубашки. Торс в шрамах, старых и новых. Татуировки — тюремные, тяжёлые, о которых она боялась даже думать.

— Смотри, — сказал он. — Смотри на того, кого ты облила водой. Ты думаешь, кто-то когда-то делал со мной такое? Думаешь, ты первая?

Он шагнул к ней. Снова встал вплотную.

— Но ты сделала. Ты — маленькая учительница музыки,

которая пришла соблазнять меня по приказу папаши, — облила меня водой. Ты хоть понимаешь, какая ты...

Он не договорил. Схватил её за плечи, развернул лицом к окну. Прижал к стеклу. Холод пробрал до костей.

— Теперь смотри, — сказал он ей на ухо. Голос хриплый, опасный. — Смотри на город. На этих людей. Они все боятся. А ты? Ты должна бояться.

Аврора вжалась в стекло. Холод пробирал сквозь тонкое платье. Она чувствовала его тело за спиной — горячее, жёсткое, влажное от воды.

— Отпустите меня, — прошептала она.

— Не отпущу, — ответил он. — Ты сама пришла. Сама выбрала. А теперь будешь платить.

Она рванулась. Ударила локтем. Попала — он охнул, но не отпустил. Только разозлился сильнее. Его пальцы впились в её плечи, сжали так, что она вскрикнула от боли.

— Брыкаешься? — его голос стал ниже, тяжелее. — Брыкайся. Мне нравится.

Она билась. Извивалась. Кричала. Он держал её одной рукой, прижимая к холодному стеклу, второй — рвал платье. Ткань трещала, открывая спину, плечи, бёдра. Аврора чувствовала, как его пальцы скользят по её коже — грубо, требовательно, не оставляя шанса.

— Тихо, — сказал он. — Тихо.

— Нет! — она рванулась снова. — Отпусти! Отпусти меня!

Он схватил её за волосы, дёрнул назад, запрокидывая голову. Она вскрикнула — от боли, от страха, от бессилия. Его губы прижались к её шее, горячие, влажные, собственнические.

— Я сказал — тихо, — прошептал он. — Не заставляй меня делать больно.

Она замерла. Всё тело дрожало, слёзы текли по щекам, но она не могла кричать. Не могла двигаться. Он держал её так, что любое движение отдавалось болью.

Он сорвал с неё остатки платья. Ткань упала на пол. Она стояла перед ним в одном белье, прижатая к стеклу, и чувствовала, как его тело прижимается к ней сзади — горячее, тяжёлое, неумолимое.

Его руки скользнули по её бокам, сжали талию, поднялись выше. Она зажмурилась, пытаясь отключиться, уйти внутрь себя, в темноту, где его нет. Но он не давал. Его пальцы впились в её тело, оставляя синяки, его дыхание обжигало шею, его голос врезался в сознание.

— Открой глаза, — сказал он громко. — Смотри.

Она открыла. В стекле отражалась она — бледная, дрожащая, с разорванным платьем у ног. И он — тёмный, опасный, сжимающий её в своих руках. Она видела его глаза — чёрные, пустые, без намёка на то, что она для него человек.

Он прижался к ней сильнее, и она почувствовала его возбуждение через тонкую ткань белья. Её тело сжалось от ужаса, но он не обратил внимания.

— Ты хотела этого, — сказал он ей на ухо. — Ты пришла ко мне. Ты хотела соблазнить. Вот твой шанс.

— Нет, — прошептала она. — Я передумала. Я ушла. Я...

Он резко развернул её, прижал спиной к стеклу. Теперь она смотрела ему в лицо — жёсткое, холодное, с каплями воды на виске. Его руки сжали её запястья, подняли над головой, прижали к стеклу. Она не могла двинуться. Не могла вырваться.

— Поздно, — сказал он.

Он сорвал с неё бельё. Одним движением, грубо, не спрашивая. Она почувствовала, как ткань рвётся, как холодный воздух касается её тела. И его руки — горячие, тяжёлые — скользят по ней, не оставляя ни миллиметра.

Она кричала. Брыкалась. Пыталась вырваться. Но он был сильнее. Он держал её так, что она не могла пошевелиться. Его руки сжимали её бёдра, раздвигали, прижимали к себе. Она чувствовала его дыхание на своём лице, его глаза — чёрные, бездонные, в которых не было ничего, кроме желания взять.

Он вошёл в неё резко, без подготовки, без нежности. Она вскрикнула — от боли, от унижения, от того, что её тело не слушалось, не могло защититься. Он держал её крепко, прижимал к стеклу, и каждое движение отдавалось болью в спине, в бёдрах, в самом нутре.

Она перестала кричать. Слёзы текли по щекам, но она молчала. Смотрела в его глаза — пустые, холодные, равно-

душные — и чувствовала, как внутри что-то умирает. Та самая искра, которая горела в ней, когда она облила его водой, когда сказала «спасибо за шанс», когда решила, что сможет противостоять. Она гасла.

Он двигался тяжело, ритмично, не глядя на неё. Его дыхание было хриплым, но лицо оставалось спокойным. Как будто он делал то, что делал всегда. Как будто она была такой же, как все. Как будто она ничего не значила.

Она закрыла глаза. Ушла в темноту. Там, в глубине, она спрятала ту себя, которую он не сможет достать. Ту, которая играет Шопена. Ту, которая ходит в церковь по воскресеньям. Ту, которая сказала «я передумала» и ушла.

Она спрятала её глубоко. Чтобы он не нашёл. Чтобы он не убил.

Когда всё закончилось, он отпустил её. Отступил. Аврора сползла по стеклу на пол, обхватила себя руками, сжалась в комок. Платье было разорвано, волосы растрепаны, причёска уничтожена. Она дрожала — крупно, противно, не могла остановиться.

Данияр стоял над ней. Смотрел. В его глазах не было торжества. Не было жалости. Только пустота.

— Ложись спать, — сказал он.

Развернулся и ушёл в другую комнату.

Аврора осталась на полу у окна. Город внизу горел огнями, равнодушный, чужой. Она смотрела на эти огни, пока они не расплылись в сплошное пятно. Слёзы закончились.

Осталась только боль. И пустота.

Она не помнила, как добралась до кровати. Не помнила, как уснула. Помнила только, что всё тело болело, а внутри было пусто. Так пусто, что даже слёзы кончились.

Утро

Она проснулась от света. Солнце било в окна, заливало номер золотом. Красиво. Слишком красиво для того, что произошло здесь ночью.

Аврора открыла глаза. Пошевелилась — тело заныло, напоминающая о каждом моменте. Она повернула голову.

Рядом никого не было.

Простыня смята, но холодная. Его нет давно. Она села, огляделась. Платье висело на спинке стула — разорванное, испорченное. Туфли валялись у кровати. Сумочка — на полу.

И на тумбочке у кровати — деньги.

Пачка. Толстая. Аккуратно сложенная, перетянутая банковской лентой. Рядом — ключ от номера и записка.

Аврора взяла записку. Одно слово, размашистым почерком:

«Условия выполнены».

Она смотрела на эти деньги. На эту плату. За ночь. За её тело. За её унижение.

Её вырвало. Прямо на ковёр, рядом с кроватью. Она стояла на коленях, дрожа всем телом, и её выворачивало наизнанку, хотя в желудке ничего не было.

Потом она встала. Нашла в ванной халат, натянула его поверх разорванного платья. Не глядя на себя в зеркало. Не глядя на деньги, которые оставила на тумбочке.

Она вышла из номера. Спустилась в лифте. Вышла на улицу. Села в такси, назвала адрес.

Всю дорогу смотрела в окно. Ничего не видела.

Дом

Она открыла дверь своим ключом. В прихожей пахло едой. Из кухни доносились голоса. Отец. И...

— Аврора! — Лёшка выскочил из кухни. Живой. Целый. Только синяки на лице, которые уже начали желтеть. — Аврора, ты где была? Нам сказали, что ты...

Он замолчал, увидев её.

Халат поверх разорванного платья. Синяки на запястьях — там, где он держал. Пустой взгляд.

— Аврора? — голос отца из кухни. — Ты... ты как?

Она посмотрела на них. На брата, который украл чужие деньги и даже не спросил, что с ней. На отца, который отправил её на заклатие, чтобы спасти своего драгоценного сына.

— Не подходите ко мне, — сказала она. Голос прозвучал чужой. Не её.

Она прошла в свою комнату. Закрылась. Схватила халат, полотенце, заперлась в ванной.

Долго стояла под горячей водой. Тёрла себя мочалкой, пока кожа не покраснела, не стала гореть. Смывала его запах. Его прикосновения. Его руки, которые держали её.

Но ничего не смывалось.

Она села на пол в душевой кабине, обхватила колени руками, уткнулась в них лицом. Вода лилась сверху, горячая, почти обжигающая. Смешивалась со слезами.

Снаружи, за дверью ванной, она слышала голоса. Лёшка что-то спрашивал у отца, отец отвечал тихо, виновато. Они говорили о ней. Но никто не постучал. Никто не спросил, как она.

Аврора сидела на полу, дрожащим телом, и чувствовала только одно.

Грязь.

Она была грязной. И ни вода, ни слёзы, ни время не могли это смыть.

Она сидела там долго. Пока вода не стала холодной. Пока голоса за дверью не стихли. Пока не поняла, что её больше нет.

Есть только пустая оболочка, которая заплатила за чужую свободу.

И внутри этой оболочки — ничего. Пустота.

В соседней комнате отец и Лёшка сидели на кухне. Молчали.

— Она выйдет? — спросил Лёшка.

— Выйдет, — ответил отец. — Куда денется.

Он смотрел на телефон, который лежал на столе. Час назад пришло сообщение с неизвестного номера:

«Долг закрыт. Сын свободен. Дочь — моя. Ещё раз суне-

тесь — сотру в порошок. Всех».

Отец убрал телефон в карман. Посмотрел на дверь ванной, откуда доносился шум воды.

Он знал, что продал её. И знал, что будет спать спокойно. Потому что сын жив. А дочь... дочь переживёт.

Они всегда переживают.

Как вам сюжет и новая глава? Оставляйте отзывы и ставьте звёздочку на обложку — для меня это лучшая мотивация. Буду рада любой вашей реакции!

<https://litnet.com/shrt/FXJC>

Эльвира привыкла быть невидимкой. Пока ее сестра-близнец купается в роскоши и собирается замуж за самого холодного миллиардера в городе, она тихо работает в библиотеке и не мечтает о большем. Но когда сестра сбегает накануне важного ужина, семья заставляет Эльвиру занять ее место. Всего на один вечер. Просто посидеть, покивать, изобразить идеальную невесту. Она и представить не могла, что этот вечер перевернет всё. Ренат Холодный не привык всматриваться в женщин. Для него невеста — часть сделки, красивый фасад, не более. Но в этот вечер что-то идет не так. «Эмма» вдруг говорит умные вещи, смотрит иначе, пахнет по-другому. И он не может перестать думать о ней. Один вечер. Одна ошибка. Одна тайна, которая разрушит всё. Теперь Эльвире предстоит решить: уйти в тень навсегда или остаться в свете, который слепит глаза, но дарит самое доро-

гое — любовь человека, для которого она всегда была невидимкой. Только вот человек этот — жених ее сестры.

***

Глава 6

Аврора

Три недели спустя

Аврора научилась жить в тишине.

Она вставала утром, пила чай, смотрела в окно. Иногда сидела на кухне, когда отца не было дома, и смотрела, как плывут облака.

Она не играла на пианино.

Крышка инструмента в её комнате была закрыта. Сначала она пробовала открыть, поставить пальцы на клавиши. Но руки начинали дрожать, а в голове возникало одно воспоминание: его руки на её талии, его дыхание на шее, стекло за спиной, холодное и равнодушное.

Она закрывала крышку и уходила в ванную. Стояла под душем, пока вода не становилась ледяной.

Брат больше не появлялся. После того как его отпустили, он собрал вещи и уехал к друзьям в другой город. Перед отъездом зашёл к ней, постоял в дверях, помялся.

— Аврора... я... — начал он.

— Выходи, — сказала она, не глядя на него.

Он вышел. С тех пор она его не видела. Только слышала, как отец разговаривает с ним по телефону. «Да, нормально. Всё нормально». «Нет, не выходит. Сидит в своей комнате». «Я не знаю. Сходи сам».

Никто не пришёл.

Отец стал другим. Тихим, виноватым, но не настолько, чтобы сказать то, что нужно. Чтобы извиниться. Чтобы спросить, как она. Он просто ходил по квартире, вздыхал, иногда заглядывал в её комнату.

— Аврора, поешь.

— Не хочу.

— Ты худая, как щепка.

— Я сказала — не хочу.

Он уходил. Через час возвращался. Снова вздыхал. И так — каждый день.

Аврора не злилась на него. Не могла. Злость требовала сил, а сил не было. Она просто... существовала. Как тень. Как пустая комната, из которой вынесли всю мебель.

Она думала о нём каждую ночь. Не хотела думать — думала.

Воспоминания приходили сами. Его голос: «Раздевайся». Его руки, которые держали её. Его глаза — холодные, пустые, без намёка на то, что он видит в ней человека.

Месяц спустя

Аврора перестала считать дни.

Сначала она считала. Первая неделя — семь дней, сто шестьдесят восемь часов, десять тысяч восемьдесят минут. Она знала каждую минуту. Каждую секунду, когда вода в душе становилась ледяной, а кожа — красной. Каждую ночь, когда она просыпалась от собственного крика и долго смот-

рела в потолок, слушая, как бьётся сердце.

На второй неделе она перестала выходить из комнаты когда даже отца нет дома. Отец приносил еду, ставил на стол, уходил. Она не ела. Иногда пила чай. Смотрела, как он остывает. Смотрела, как плывут облака за окном.

На третьей неделе она попыталась играть на пианино. Открыла крышку. Положила пальцы на клавиши. И не смогла. Руки дрожали так, что она боялась сломать инструмент. Она закрыла крышку и ушла в ванную. Стояла под душем, пока вода не стала ледяной.

На четвёртой неделе она вышла на улицу. Не потому, что захотела. Потому что кончились продукты, а отец смотрел на неё с такой тоской, что она не могла больше это выносить.

Она надела чёрное платье. Не то, в котором была в «Астории». Другое. Длинное, с длинными рукавами, закрытое до горла. Волосы собрала в тугой пучок. Никакого макияжа. Лицо бледное, глаза впалые, губы потрескались. Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Из зеркала на неё смотрела чужая женщина. Старая. Уставшая. Сломленная.

Она вышла из дома, и солнце ударило в глаза, заставило зажмуриться. Месяц без света. Месяц в четырёх стенах. Месяц, который она хотела стереть из памяти.

Она пошла в магазин. Хлеб, молоко, что-то ещё. Шла медленно, опустив голову, не глядя по сторонам. Люди обходили её, не замечали. Она была тенью. И это было хорошо. Тени не больно. Тени ничего не чувствуют.

Она зашла в продуктовый магазин на углу. Маленький, тесный, с запахом хлеба и дешёвой химии. Взяла корзину, начала ходить по рядам. Хлеб, молоко, яйца. Всё механически, не думая.

Она заворачивала за угол у кассы, когда увидела его.

Данияр стоял у витрины с цветами. Рядом с ним — девушка. Молодая. Красивая. Длинные светлые волосы, короткое платье, идеальный макияж. Она смеялась, держала его под руку, что-то говорила. Данияр слушал, кивал, что-то отвечал. Его лицо было спокойным, равнодушным. Он не улыбался. Но он был с ней. Рядом.

Аврора замерла.

Корзина выпала из рук. Хлеб, молоко, яйца — всё разбилось, растекалось по полу белой лужицей. Она не заметила. Она смотрела на него.

Он был в чёрной рубашке, рукава закатаны до локтей. Волосы чуть зачёсаны назад, шрам на виске виден отчётливо. Часы на запястье — те же, что в ту ночь. И глаза. Чёрные, холодные, пустые.

Он поднял голову.

И увидел её.

Аврора хотела отвернуться. Хотела убежать. Хотела исчезнуть, раствориться в воздухе, стать той самой тенью, которой была минуту назад. Но ноги не слушались. Она стояла, вжавшись в стеллаж с консервами, и смотрела на него.

Данияр смотрел на неё.

Его лицо не изменилось. Ни одна мышца не дрогнула. Но Аврора видела. Видела, как его глаза скользнули по её лицу — бледному, измождённому, с тёмными кругами под глазами. По её платью — чёрному, закрытому, которое висело на ней как на вешалке. По её рукам — тонким, прозрачным, с синими венами, которые выступали под кожей.

Он смотрел на неё так, будто видел грязь. Будто она была чем-то, что случайно попало в поле зрения и теперь мешало. Без эмоций. Без жалости. Без того, что она боялась увидеть — без боли, без раскаяния.

Просто — пустота.

Аврора почувствовала, как земля уходит из-под ног. Как всё внутри обрывается. Она ждала этого момента месяц. Думала, что будет, когда она снова его увидит. Представляла, как он подойдёт, как скажет что-то, как она скажет ему всё, что накопилось.

Но он стоял на месте. Смотрел на неё. И не двигался.

Девушка рядом с ним что-то сказала, дёрнула за рукав. Данияр не ответил. Смотрел на Аврору. И в этом взгляде было всё.

Он видел, во что она превратилась. В тень. В оболочку. В то, что он из неё сделал. И ему было всё равно.

Аврора сделала шаг назад. Спиной врезалась в стеллаж. Банки зазвенели, чуть не упали. Она не заметила.

Данияр сделал шаг к ней.

Один шаг. Медленный, тяжёлый. Аврора чувствовала, как

воздух между ними становится плотным, как её тело начинает дрожать. Она не могла дышать. Не могла думать. Могла только смотреть в его глаза — чёрные, холодные, бездонные.

Второй шаг.

Аврора попятилась. Снова врезалась в стеллаж. Банки посыпались на пол, зазвенели, покатались. Она не слышала.

Данияр остановился. Смотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то — удивление? Раздражение? Она не поняла. Она видела только одно: он приближается. Он хочет подойти. Он хочет...

Страх ударил в груди, сжал горло, лишил воздуха. Она не могла быть рядом с ним. Не могла смотреть на него. Не могла чувствовать его дыхание, его тепло, его руки, которые...

Она попятилась быстрее. Спиной к выходу, не отрывая от него глаз. Споткнулась о порог, чуть не упала, но удержалась. Рука сама нащупала дверную ручку, дёрнула.

Данияр смотрел ей вслед. Не двигался. Не говорил. Смотрел.

Аврора вылетела на улицу. Солнце ударило в глаза, ослепило. Она бежала. Не разбирая дороги, не глядя по сторонам. Белые пятна, голоса, сигналы машин — всё слилось в один сплошной шум. Она бежала, пока лёгкие не взорвались огнём, пока ноги не подкосились.

Она упала на колени у какой-то скамейки. Дышала тяжело, хрипло, как загнанный зверь. Слёзы текли по щекам, но она не чувствовала их. Она чувствовала только пустоту. Ту

самую, которую увидела в его глазах.

Она была для него ничем. Грязью. Местом, которое он посетил и забыл. А она — она извела себя, иссушила, превратила в тень. Ради чего? Ради того, чтобы увидеть его с другой? Чтобы понять, что он не вспоминает о ней? Что та ночь для него — одна из многих?

Она сидела на корточках у скамейки, обхватив себя руками, и тряслась. Люди проходили мимо, смотрели с любопытством, но никто не остановился. Никому не было дела до девушки в чёрном платье, которая плачет посреди улицы.

Она не знала, сколько просидела так. Минуту. Час. Вечность. Когда подняла голову, солнце уже клонилось к закату. Город горел оранжевым, красным, золотым. Красиво. Слишком красиво для того, что она чувствовала.

Она встала. Ноги дрожали, платье было мокрым от слёз. Она посмотрела на свои руки — тонкие, прозрачные, с синими венами. Руки, которые когда-то играли Шопена. Руки, которые месяц не касались клавиш.

Она медленно пошла домой. Не бежала. Шла. Каждый шаг давался с трудом, но она шла. Потому что если она остановится — она не сможет пойти дальше. Никогда.

Дом

Она открыла дверь своим ключом. В прихожей пахло едой. Отец выглянул из кухни, увидел её лицо, и что-то в его глазах дрогнуло.

— Аврора... — начал он.

— Не надо, — сказала она. Голос прозвучал чужим, хриплым. — Не надо.

Она прошла в свою комнату. Закрыла дверь. Сняла платье, бросила на пол. Надела старый халат, подошла к пианино.

Стояла перед ним долго. Крышка закрыта, пыль осела на лакированном дереве. Она провела пальцами по крышке, оставляя полосы на пыли.

Она открыла крышку.

Клавиши были холодными, чужими. Она положила пальцы. Замерла.

Вспомнила его взгляд. Пустой, холодный, равнодушный. Вспомнила, как он смотрел на неё, будто на грязь. Вспомнила, как она бежала, как падала, как плакала.

И что-то внутри щёлкнуло.

Она ударила по клавишам. Громко, резко, некрасиво. Звук разнёсся по комнате, заставил стёкла задрожать. Она ударила снова. И снова. И снова.

Пальцы летали по клавишам, извлекая хаос. Не мелодию. Боль. Ярость. Отчаяние. Она играла свою ненависть, свою пустоту, свою смерть. Она играла так, как никогда не играла. Без правил, без школы, без Шопена.

Когда она остановилась, руки болели. На клавишах остались следы крови — ногти порвали кожу. Она смотрела на красные разводы, на свои пальцы, которые дрожали.

И вдруг — она улыбнулась.

Первый раз за месяц.

Она была жива. Он не убил её. Не смог. Она — жива. Играет. Кровоточит. Но живёт.

Она закрыла крышку пианино. Встала. Подошла к зеркалу. Посмотрела на своё отражение — бледное, худое, с тёмными кругами под глазами. Но в глазах уже не было пустоты. Там горело что-то новое. Что-то, что она не могла назвать.

Она вышла из комнаты. Отец сидел на кухне, сжимая в руках кружку. Увидел её — и замер.

— Аврора, ты...

— Я хочу есть, — сказала она. — Что у нас?

Отец смотрел на неё, не веря своим ушам. Потом вскочил, начал доставать тарелки, накладывать суп.

Аврора села за стол. Взяла ложку. Поела. Медленно, с трудом, но поела. Суп был горячий, наваристый. Она чувствовала вкус. Первый раз за месяц — вкус.

— Аврора, — отец сидел напротив, смотрел на неё с надеждой и страхом. — Я... я хотел сказать...

— Не надо, — она подняла на него глаза. — Не надо извинений. Не надо объяснений. Я не прощаю. Но я не хочу больше ненавидеть. Это тяжело.

Отец замолчал. Кивнул.

Она доела суп. Встала. Посмотрела на отца.

— Я завтра пойду в школу. Надо возвращаться к ученикам.

— Я отвезу, — сказал он быстро.

— Не надо. Я сама.

Она ушла в свою комнату. Легла на кровать. Смотрела в потолок.

Она вспомнила его взгляд. Холодный, пустой, равнодушный. И поняла: он не победил. Он сделал ей больно. Он сломал что-то внутри. Но он не убил её.

И она будет жить. Назло ему. Назло всем, кто хотел её сломать.

Она закрыла глаза. Уснула. Впервые за месяц — без снов.

***

Глава 7

Ночь в гостинице.

Она спала.

Данияр сидел в кресле у окна и смотрел на неё. Свет от уличных фонарей падал на её лицо, делая его ещё более бледным, почти прозрачным. Она свернулась калачиком на кровати, обхватив себя руками, и спала тяжело, без движений, без звуков. Только плечи иногда вздрагивали — там, во сне, она всё ещё плакала.

Он видел, как она дрожала. Когда он вошёл в номер, когда она проснулась от его шагов и сжалась в комок, как испуганный зверёк. Видел, как слёзы текли по её щекам — беззвучно, без рыданий. Она даже не пыталась их вытереть. Просто лежала, уставившись в стену, и ждала.

Он не сказал ей ни слова. Не тронул. Просто сел в кресло и смотрел.

Она заснула через час. Усталость взяла своё — тело отключилось, чтобы не сойти с ума. Данияр ждал, пока её дыхание станет ровным, пока плечи перестанут вздрагивать. Потом встал.

Подошёл к кровати. Смотрел на неё сверху вниз.

Во сне её лицо было спокойным. Без страха, без боли, без той ненависти, которую он видел в её глазах, когда она смотрела на него. Просто лицо девчонки, которая играет Шопена

по вечерам и ходит в церковь по воскресеньям.

Он сел на край кровати. Осторожно, чтобы не разбудить. Смотрел на её руки — тонкие, прозрачные, с синими венами. Руки, которые играли на том приёме. Руки, которые дрожали, когда она держала ведёрко с водой.

Он хотел дотронуться. Просто взять за руку, почувствовать, что она живая. Что он не убил её окончательно.

Но не стал.

Лёг рядом. На спину, глядя в потолок. Она не проснулась. Только чуть подвинулась во сне, ближе к теплу, и он почувствовал, как её дыхание касается его плеча.

Он не спал всю ночь.

Смотрел в потолок. Слушал её дыхание. Вспоминал.

Таких, как она, было много. Красивых, молодых, напуганных. Деньги приводили их в порядок — новая одежда, салоны, рестораны. Через месяц они забывали. Через два — выходили замуж за нормальных мужиков. Через три — смотрели на него без страха, будто ничего и не было.

Деньги всё решали. Всегда решали.

Но почему сейчас ему так хреново?

Он не понимал. Он делал всё, как всегда. Взял то, что хотел. Заплатил. Оставил деньги — достаточно, чтобы она могла не работать год, два, сколько нужно. Чтобы прийти в себя. Чтобы забыть.

Деньги лежали на тумбочке. Аккуратная пачка, перетянутая банковской лентой. Рядом — ключ от номера.

Он встал, когда начало светать. Посмотрел на неё в последний раз. Спала, свернувшись калачиком, такая маленькая, такая худая. Под одеялом почти не видно.

Он вышел из номера. Закрыв дверь. Остановился в коридоре.

— Борода, — сказал он в телефон. — Проследи, чтобы добралась домой нормально. Чтобы никто не тронул. И чтобы доехала.

— Сделаю, шеф.

Он убрал телефон. Пошёл к лифту. Не оглянулся.

Утро. Офис.

— Шеф, — Борода вошёл в кабинет без стука. В руках — белый конверт. — Это из гостиницы.

Данияр поднял бровь. Борода положил конверт на стол.

— Что там?

— Деньги, — Борода помялся. — Она не взяла. Оставила на тумбочке. Уборщица сдала.

Данияр смотрел на конверт. Не открывал. Не двигался.

— Не взяла, — повторил он.

— Да. И ключ. Тоже не взяла.

Он кивнул. Борода вышел.

Данияр взял конверт. Взвесил на ладони. Тяжёлый. Столько, сколько она зарабатывает за полгода. Может, за год.

Не взяла.

Он бросил конверт в ящик стола. Закрыв. Откинулся на спинку кресла.

В голове крутилось её лицо. Бледное, худое, с тёмными кругами под глазами. И взгляд. Тот, когда она смотрела на него в ту ночь. Не страх — пустота. Как будто она уже умерла, а тело ещё дышит.

Он сделал это. Он.

Месяц

Он не думал о ней.

Сначала он запретил себе думать. Загрузил работой, встречами, разборками. С утра до ночи — дела, люди, деньги. Не оставалось времени на мысли. Не должно было оставаться.

Чувства в его мире — роскошь. Роскошь, которую он не мог себе позволить. Да и чувствовать он не умел. Никогда не умел. Вырос среди тех, кто берёт, кто ломает, кто платит и забывает. Он был лучшим из них. Холодным, расчётливым, безжалостным.

Он не имел права на слабость. Не имел права на память.

Но по ночам, когда он оставался один в своём пустом доме, она приходила. Не звала, не плакала, не кричала. Просто стояла в углу комнаты, бледная, худая, в разорванном платье. Смотрела на него пустыми глазами.

Он пил виски. Смотрел в одну точку. Ждал, когда она исчезнет.

Она исчезала под утро. А он не спал.

Он запрещал себе вспоминать, но память не слушалась. Всплывали детали, которые он не замечал тогда. Как дрожа-

ли её руки, когда она брала ведёрко с водой. Как она ждалась в комок, когда он вошёл в номер. Как она смотрела на деньги на тумбочке — не жадность, не облегчение. Пустота и отвращение.

Она не взяла деньги. Никто никогда не отказывался от его денег. Никто. Они брали деньги и ключ. И снова возвращались. Некоторые оставались, там же. Некоторые через время, но возвращались.

На третьей неделе он приказал Бороде выкинуть папку.

— Какую, шеф?

— Её папку. Все фотографии. Всё.

— Сделаю. Шеф, давно пора...

— Я сказал — выкинуть и всё.

Борода ушёл. Данияр слышал, как в соседней комнате шуршит бумага, как открывается мусорное ведро. Потом тишина.

Он выкинул её. Стереть, забыть, жить дальше. Как всегда.

Но пустота внутри не уходила. Она стала больше. Глубже. Темнее.

Встреча

Он не планировал идти в тот магазин. Девушка, которую подослал партнёр, захотела цветов. Он зашёл, потому что так проще, чем спорить. Купить букет, отвезти её домой, закрыть вопрос.

Она что-то говорила, смеялась, трогала его за руку. Он не слушал. Он уже забыл, как её зовут. Красивая. Молодая.

Пустая. Таких много.

А потом он увидел её.

Она стояла у стеллажа с консервами, в чёрном платье, с тёмными кругами под глазами. Волосы собраны в тугой пучок, лицо бледное, губы потрескались. Она смотрела на него, и в её глазах было столько боли, что у него перехватило дыхание.

Он смотрел на неё и не узнавал. Та, которая облила его водой. Та, которая сказала «спасибо за шанс». Та, которая играла Шопена на приёме. Куда она делась? Перед ним стояла тень. Оболочка. То, что он из неё сделал.

Он хотел подойти. Хотел сказать что-то. Что — не знал. Просто хотел быть рядом. Хотел убедиться, что она жива. Что он не убил её окончательно.

Но когда он сделал шаг, она отшатнулась. Как от огня. Как от зверя. Она боялась его. До сих пор. Или уже никогда не перестанет?

Он смотрел, как она пятится, как врезается в стеллаж, как банки падают на пол. Смотрел, как она выбегает на улицу, как спотыкается на пороге. И не двинулся с места.

Девушка рядом что-то говорила, тянула его за рукав. Он не слышал. Он смотрел на дверь, за которой она исчезла. Смотрел долго. Потом повернулся.

— Поехали, — сказал он.

— Куда? — девушка улыбнулась. — Ко мне?

— Домой, — ответил он. — К тебе.

Он отвёз её. Не зашёл. Не попрощался. Просто закрыл дверь машины и сказал Бороде:

— Ко мне.

Дом

Он сидел в кабинете, смотрел в одну точку. Виски стоял рядом, полный. Он не пил. Просто сжимал стакан, смотрел на янтарную жидкость и думал.

Она была худая. Страшно худая. Лицо белое, глаза впалые, платье висело как на вешалке. Она смотрела на него так, будто он был её личным адом.

Он сделал это. Он.

Он хотел забыть. Он выкинул папку, стёр фотографии, запретил Бороде докладывать. Он делал всё, чтобы не думать о ней. Чтобы не чувствовать.

Но сейчас, сидя в пустом доме, сжимая стакан с виски, он понял: он не сможет забыть. Никогда.

Он жалел, что выкинул папку. Её школьное фото, где она с бантами и косой. Её смех на выпускном. Её лицо, когда она играла на рояле.

Он хотел бы увидеть её сейчас. Не в магазине, не в гостинице. Просто — увидеть. Убедиться, что она жива. Что она ест, спит, играет на пианино.

Но он не мог. Не имел права. Если он подойдёт к ней — он снова её сломает. А она и так уже сломана. Им.

Он поставил стакан. Не пил. Смотрел в темноту за окном. Город горел огнями, равнодушный, чужой.

Он вспомнил, как она спала в гостинице. Как её дыхание касалось его плеча. Как она чуть подвинулась во сне, ближе к теплу.

Он не должен был этого делать. Не должен был брать её. Не должен был оставлять деньги. Не должен был смотреть на неё в магазине.

Но он делал. Потому что не мог иначе. Не умел.

Он встал. Подошёл к сейфу. Открыл. Внутри — бумаги, деньги, оружие. У него есть всё, но нет главного — способности чувствовать.

— Борода, — сказал он в телефон. — Верни папку.

— Какую, шеф?

— Её папку. Которую ты выкинул.

— Я... шеф, её уже нет. Мусор вывезли.

Данияр закрыл глаза.

— Найди. Восстанови. Всё, что было. Фотографии, досье, всё.

— Сделаю, шеф.

Он положил телефон. Посмотрел на себя в отражение зеркала.

Он не знал, что будет делать, когда папка вернётся. Не знал, что скажет ей, если увидит снова. Не знал, сможет ли отпустить.

Знал только одно: он не может забыть. И чем дальше, тем больше понимает — она не выходит у него из головы. Не выйдет никогда.

Он налил виски. Выпил залпом. Налил ещё.

Смотрел в темноту за окном, и перед глазами стояло её лицо. Бледное, худое, с огромными глазами, полными боли.

Он не умел просить прощения. Не умел чувствовать. Не умел любить.

Но сегодня, сидя в пустом доме, сжимая в руке пустой стакан, он понял: он хочет научиться.

Хотя бы для того, чтобы посмотреть ей в глаза и не увидеть там того ужаса, который видел сегодня.

Хотя бы для того, чтобы она перестала бояться.

Хотя бы для того, чтобы она снова играла Шопена.

Он не знал, как это сделать. Не знал, с чего начать. Не знал, простит ли она когда-нибудь.

Но он знал: он попробует.

Впервые в жизни — попробует.

Он не знал, что она сделала уже свой выбор. Мечь.

***

Глава 8

Осознание

Это случилось через три дня после встречи в магазине.

Аврора сидела на кухне, пила чай, смотрела в окно. За окном шёл дождь. Серый, мелкий, бесконечный. Она смотрела на капли, которые стекали по стеклу, и вдруг поняла.

Она не хочет его убивать.

Не потому, что не может. Не потому, что нет сил. А потому, что она — не монстр. Она не такая, как он. Она не сможет смотреть в глаза человеку, которого уничтожила, и чувствовать удовлетворение. Она не сможет спать спокойно, зная, что причинила боль.

Но она хочет, чтобы он почувствовал. Хоть часть того, что чувствовала она. Хоть тень. Хоть отголосок той боли, которая сжирала её изнутри месяц.

Она не убьёт его. Не сломает. Не унизит. Она просто делает так, чтобы его жизнь стала сложнее. Чтобы он споткнулся. Чтобы хоть раз посмотрел на неё не с пустотой, а с чем-то, что она сможет назвать своим.

Она начала искать информацию о нём.

Это оказалось не так сложно. В эпоху интернета всё, что нужно, — это время и упорство. Данияр Тихий — не публичная фигура, но его компания «Тихий Дон» — да. Крупный холдинг, логистика, порты, торговля. Учредители, парт-

нёры, контракты. И среди имён, которые всплывали снова и снова, — Глеб Михайлович Волков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.